

Заккрытие Ормузского пролива: Экономическая ядерная опция

В мини-сериале «Дети Дюны» (2003) по Франку Герберту, среди вихрей заговоров за захват или защиту Арракиса, всплывает острая как бритва истина: **«Не тот владеет пряностью, кто её контролирует, а тот, кто способен её перекрыть.»**

Эта фраза пронзает фасад империи. В мире Герберта пряность меланж — высший ресурс: продлевает жизнь, дарует предвидение, обеспечивает навигацию через пространство. Но настоящая власть заключается не в добыче или накоплении, а в достоверной угрозе перекрыть поставки. Тот, кто может остановить поток, держит галактику за горло.

Параллель с 6 марта 2026 года очевидна. Современная цивилизация работает не на пряности, а на энергии, и ближайший реальный аналог хрупкой артерии Арракиса — это **Ормузский пролив**: узкий морской коридор шириной всего около 50 км в самом узком месте. Через него проходит примерно **пятая часть** всей нефти, перевозимой морем, и около **четверти** мирового экспорта сжиженного природного газа (СПГ). В обычное время этот поток настолько постоянен, что становится невидимой инфраструктурой. Но за кажущейся стабильностью скрывается исключительная уязвимость: мировая экономика зависит от бесперебойного прохождения через единственную, легко уязвимую точку сужения.

Текущий кризис обнажил эту хрупкость. После американо-израильских ударов по Ирану, начавшихся 28 февраля (операция «Эпическая ярость»), Иран ответил: атаки на суда и объекты, заявления КСИР о закрытии пролива, прямые угрозы любому судну, пытающемуся пройти. Трафик танкеров упал почти до нуля. Сотни судов (по оценкам более 150–200 танкеров и других кораблей) стоят на якоре или заблокированы в Персидском заливе, не в состоянии двигаться. Остановка производства расходуется волнами: от форс-мажора QatarEnergy в Рас-Лаффане до повреждённых танкеров и прекращения потоков.

Однако решающий механизм закрытия пролива — не чисто военный. Ракеты и дроны создали сцену, но невидимый спусковой крючок оказался **финансовым**: крах морского страхования.

Невидимый спусковой крючок: крах страхования

Мировой судоходный сектор опирается на скрытый слой покрытия: страхование корпуса (hull), защита и возмещение (P&I), и особенно полисы военных рисков, которые преимущественно размещаются на лондонском рынке — Lloyd's of London и Международная группа клубов P&I (Gard, Skuld, NorthStandard, London P&I Club, American

Club и другие). Без этих полисов чартерные контракты запрещают выход в море, кредиторы отказывают в финансировании, порты не принимают суда.

В первые дни кризиса страховщики сочли риски не поддающимися расчёту. Крупные игроки разослали уведомления об отмене покрытия военных рисков в иранских водах, Персидском заливе, прилегающих районах и самом Ормузском проливе — с вступлением в силу с 5 марта 2026 года после 72-часовых уведомлений, начатых 1–2 марта. Совместный комитет по военным рискам расширил зону высокого риска на весь регион Персидского залива. Премии по оставшемуся покрытию взлетели до небес (сообщается о скачке с 0,25% до 1% стоимости корпуса, в некоторых случаях рост в 12 раз; для танкера стоимостью \$100 млн премия за рейс по военным рискам подскочила с ~\$200 тыс. до ~\$1 млн), что сделало проход экономически невозможным для большинства операторов.

Результат: морская артерия остаётся **технически открытой**, но **экономически непригодной**. Танкеры не идут, потому что нет надёжного страхового покрытия. Несколько отчаянных судов могут идти «в тёмную» (AIS выключен), но коммерческий трафик рухнул на 75–80% и более, за последние 24 часа (по состоянию на 6 марта) не зафиксировано ни одной отгрузки нефти, лишь отдельные редкие транзиты грузов. Пролив де-факто закрыт — не минами и не блокшивами, а лондонскими андеррайтерами, повесившими трубку.

Шок гораздо сильнее, чем в 1973 году

Нефтяной кризис 1973–1974 годов остаётся эталоном: сокращение добычи и эмбарго ОПЕК уменьшили мировое предложение нефти на **7–12%** (в среднем дефицит ~9%), цены выросли вчетверо — с **~\$3 за баррель** до **\$11–12**, запустив десятилетнюю стагфляцию.

Нарушение в Ормузском проливе в 2026 году структурно намного масштабнее: - эффективная потеря поставок нефти **18–21%** (частичные обходные трубопроводы Саудовской Аравии и ОАЭ дают лишь ограниченную компенсацию на фоне остановки добычи и паралича транзита); - нарушение **20–25%** мирового экспорта СПГ (объёмы Катара и ОАЭ выведены из игры, а рынок СПГ гораздо менее гибкий, чем рынок нефти); - дефицит нефтехимического сырья и выведение из оборота флота из-за застрявших судов.

Современные цепочки поставок «точно в срок» и контейнеризация обеспечивают гораздо более быстрое и широкое распространение шока, чем в 1970-х.

Математика паники

Краткосрочный спрос на энергию крайне неэластичен (**оценки эластичности –0,05 до –0,3**). Потребители не могут за ночь заменить автомобили, промышленность не может мгновенно перейти на другие виды топлива, а паника усиливает накопление и спекуляцию.

В 1973 году удар менее 10% вызвал рост цен на **300–400%**. Нарушение более чем в два раза сильнее — усиленное дефицитом СПГ и параличом судоходства — может запустить нелинейную эскалацию в неопределённых сценариях. Текущие котировки Brent колеблются около **\$84–85** (рост на 15–23% с начала месяца на фоне волатильности), рынок пока закладывает временный характер. Основные прогнозы ограничивают длительные сценарии уровнем **\$90–120** (или **\$140** в хвостовом риске), предполагая компенсации и разрушение спроса. Но если восприятие изменится на «неопределённо долгое закрытие», психологический перелом высвободит немоделируемые экстремумы — потенциально рост на **800–1000%** до **\$600–750 за баррель** и выше в условиях полной паники.

Стратегические резервы: конечный буфер

Страны-члены МЭА располагают покрытием чистого импорта более **90 дней** (плюс избыток). Координированный выпуск может смягчить начальный дефицит. Но резервы — это обратный отсчёт, а не спасение. Агрессивный отбор рискует истощением уже к концу лета/осени в длительных сценариях, что вынудит к рационированию или полному исчерпанию — и спровоцирует новые волны роста цен, когда рынки столкнутся с исчезновением буфера.

Каскадные экономические последствия

Нарушение распространяется за пределы энергетических рынков, запуская цепную реакцию, которая проходит через все слои мировой экономики. То, что начинается как кризис в точке сужения, перерастает в широкое структурное разрушение, где повышенные затраты на энергию действуют как множитель по взаимосвязанным системам. Эффекты накапливаются со временем: первоначальные ценовые шоки сменяются изменениями поведения, ограничениями предложения, падением производства и в конечном итоге глубоким спадом активности и занятости. В неопределённом или затяжном сценарии эти каскады ускоряются, превращая временную волатильность в системную хрупкость.

Паралич судоходства и мировой торговли

Самое заметное и немедленное распространение происходит в морском транспорте. Цены на бункерное топливо растут параллельно с нефтью, а премии по военным рискам уже взлетели — с ~0,25% до 1% стоимости корпуса (и более) за считанные дни, добавляя от сотен тысяч до миллионов долларов на рейс в зависимости от размера судна. Крупные клубы P&I (Gard, Skuld, NorthStandard, London P&I Club, American Club) объявили об отмене покрытия с 5 марта после уведомлений 1–2 марта, сделав транзит экономически невозможным для большинства.

Застрявшие танкеры (более 150–200 судов стоят на якоре или простаивают в заливе) резко сокращают эффективную ёмкость флота, заставляя тех, кто готов рисковать без страховки или с высокими премиями, огибать мыс Доброй Надежды. Эти обходные пути добавляют тысячи миль, недели пути и огромные заторы в альтернативных пор-

тах. Фрахтовые ставки взлетают — надбавки на супертанкеры и контейнеровозы достигают беспрецедентных уровней, экстренные сборы исчисляются тысячами долларов за TEU на поражённых маршрутах.

Последствия затрагивают мировую торговлю в целом: потребительские товары, промышленные комплектующие, электроника и сырьё становятся дороже и задерживаются. Производство «точно в срок» замедляется; запасы истощаются; возникают узкие места в цепочках поставок в секторах, далёких от энергетики. Порты Азии (сильно зависящие от транзитных хабов Персидского залива, таких как Джебель-Али) сталкиваются с заторами, экспортёры из Индии (например, поставки басмати застряли в портах) и других стран сообщают о миллионах тонн замороженных грузов. Итог — широкое инфляционное давление на торгуемые товары, сжатие маржи компаний и бюджетов домохозяйств.

Пищевые системы под осадой

Затраты на энергию пронизывают сельское хозяйство на всех стадиях, превращая шок нефти/СПГ в глубокий продовольственный кризис. Дизель питает тракторы, комбайны и насосы орошения; природный газ — основное сырьё для азотных удобрений (мочевина, аммиак); морской транспорт доставляет зерно, масла и переработанные продукты по всему миру.

Рынки удобрений реагируют мгновенно: примерно треть мировой торговли мочевиной (ключевой источник азота) проходит через пролив или исходит от производителей залива. Цены уже подскочили — баржи с мочевиной в Новом Орлеане выросли с ~\$475/т до \$520–\$550/т за несколько дней (рост на \$50–\$80/т или 11–17%), есть сообщения о недельном скачке на \$60–\$80/т и потенциале роста на сотни долларов при затяжном кризисе. Фосфаты и другие питательные вещества следуют схожей траекторией. Фермеры, готовящиеся к весеннему севу в Северном полушарии, снижают нормы внесения для контроля затрат, что приведёт к снижению урожайности в ближайших сезонах.

Инфляция транспортных расходов усугубляет ситуацию: рост фрахта и топлива поднимает цену доставленного импортного пшеницы, кормов и базовых продуктов, повышая стоимость хлеба, птицы, свинины, молочной продукции, морепродуктов и других essentials. В странах, сильно зависящих от импорта (части Африки, Южная Азия), продовольственная инфляция приближается к гуманитарным порогам; богатые страны переживают болезненный, но управляемый рост. Мировое производство продовольствия — почти половина которого зависит от синтетического азота — испытывает нисходящее давление, создавая риск дефицита и политической нестабильности в уязвимых регионах.

Разрушение промышленности и строительства

Следующий удар принимают энергоёмкие отрасли. Производство стали, химическая промышленность, цементные печи и тяжёлое машиностроение зависят от дешёвых и надёжных углеводородов и электроэнергии (часто газового баланса). Затраты на вход

становятся неподъёмными: цены на сталь растут, когда счета за энергию удваиваются или утраиваются, маржа исчезает; химические заводы (зависимые от нефтехимии) сокращают или останавливают производство.

Строительство — один из крупнейших работодателей в мире — замерзает под тяжестью взлетевших цен на материалы (сталь, цемент, асфальт) и проблем с финансированием (высокие процентные ставки на фоне инфляционных страхов). Застройщики приостанавливают проекты; программы инфраструктуры тормозятся; дефицит жилья усугубляется на и без того напряжённых рынках. Сжатие сектора возвращается в виде безработицы и падения спроса на сопутствующие товары (бытовая техника, мебель), углубляя спад.

Финансовые рынки и кредитный кризис

Финансовая система реагирует жёстко на обвал ожиданий роста. Индексы акций падают, поскольку прогнозы прибыли рушатся в авиации, логистике, рознице, производстве и потребительском сегменте. Потоки в безопасные активы делают доходности облигаций хаотичными; кредитные рынки сжимаются, банки увеличивают резервы под растущие дефолты и обесценение залогов. Ликвидность исчезает именно тогда, когда бизнесу она нужнее всего — для оборотного капитала или хеджирования.

Бремя корпоративного долга растёт под давлением высоких ставок (центробанки борются с возрождением инфляции) и падающих доходов. Застрявшие активы в углеродоёмких секторах усиливают убытки; системные риски от взаимосвязанных экспозиций (например, энергетические деривативы) повышают страх заражения.

Шок занятости и порочный круг

Человеческие издержки проявляются волнами безработицы. Энергоёмкие сектора теряют рабочие места первыми — авиакомпания отменяют рейсы, транспортные компании ставят машины на прикол, химические заводы увольняют персонал. Волны расходятся: сокращение потребительских расходов (домохозяйства тратят больше на еду, отопление и транспорт) сильно бьёт по рознице, гостиничному бизнесу и услугам. Увольнения в строительстве усиливают удар.

Потеря доходов + рост стоимости базовых нужд создают ловушку бедности: домохозяйства ещё сильнее сокращают необязательные траты, ускоряя банкротства бизнеса и разрушение спроса. То, что начиналось как отраслевое сжатие, перерастает в широкую рецессию — или депрессию в неопределённых сценариях, — где восстановление займёт годы на восстановление доверия, перезапуск обанкротившихся предприятий и возрождение цепочек поставок.

Эти каскады демонстрируют хрупкость взаимозависимости: энергия поддерживает транспорт, транспорт обеспечивает торговлю, торговля питает промышленность и продовольственные системы, промышленность поддерживает занятость, а занятость — потребление. Разрушение энергетической основы приводит к поэтапному обрушению всей конструкции. При длительном нарушении мировая экономика не просто за-

медляется — она распадается, а горизонты восстановления растягиваются на десятилетия, а не на годы. Закрытие Ормуза, спровоцированное страхованием, уже показало, как финансовый механизм может добиться того, чего одной военной силе было бы трудно достичь: остановить поток и запустить системный коллапс.

Иран как неожиданный хранитель: перекрытие потока ради планеты

В глубоком и ироничном повороте действия Ирана — намеренные или возникшие спонтанно — могут невольно поставить страну в роль непреднамеренного героя борьбы с изменением климата. Фактическое закрытие Ормузского пролива, сократив **18–21%** мировых поставок нефти и **20–25%** экспорта СПГ, принуждает мир к быстрому и недобровольному разрушению спроса в масштабах, которых никогда не достигали международные соглашения вроде Киотского протокола и Парижского соглашения.

Киото (1997) и Париж (2015) устанавливали амбициозные, но добровольные цели, полагаясь на постепенные переходы, распространение технологий и национальные обязательства — однако глобальные выбросы продолжали расти десятилетиями, а использование ископаемого топлива расширялось в развивающихся экономиках. Застыжное нарушение в Ормузе, напротив, может сократить глобальные выбросы парниковых газов гораздо более радикально: меньшее сжигание нефти и газа означает меньше CO₂ от горения, судоходства (из-за обходных путей и снижения объёмов) и перерабатывающих отраслей. Если цены в условиях длительной паники подскочат на **800–1000%** (подняв сырую нефть до **\$600–750 за баррель** и выше), потребление энергии рухнет за счёт рационарирования, ограничений, изменения поведения и экономического спада — потенциально сократив выбросы на десятки или сотни миллионов тонн в год, намного превосходя природные сокращения от внедрения возобновляемых источников или повышения энергоэффективности в рамках Парижа.

Это поразительно согласуется с исламскими принципами экологической ответственности. Коран описывает человека как **халифа** (наместника, хранителя) на Земле (например, 2:30, 6:165), наделённого **аманой** (доверием/ответственностью) защищать и поддерживать равновесие творения, а не эксплуатировать его расточительно. Концепции недопущения порчи на земле (фасад филь-ард, 7:56, 30:41) и умеренности в потреблении подчёркивают сохранение ресурсов для будущих поколений. Нарушение, совершённое Ираном — если смотреть через эту призму — можно рассматривать как экстремальное принуждение к планетарной опеке: остановив неконтролируемый поток ископаемого топлива, подпитывающего климатический кризис, оно заставляет человечество перейти к сдержанности, сокращению добычи и ускоренному отказу от углеродной зависимости.

Стратегический урок

Саудовская Аравия может качать больше всего нефти; США могут обладать самой мощной армией; энергетические гиганты могут контролировать производство. Но никто из них не владеет решающим рычагом, который вскрыл этот кризис.

Этот рычаг — **нарушение**. Иран — через прямые угрозы и рациональную реакцию страхового рынка — продемонстрировал способность остановить поток. Мировая экономика, зависящая от дешёвой и бесперебойной энергии подобно вселенной «Дюны» от меланжа, теперь столкнулась со своей уязвимостью.

Словами Герберта, произнесёнными среди песков Арракиса: **Контроль — это не владение ресурсом. Контроль — это способность остановить поток.**

Ормузский пролив — не просто судоходный маршрут. Это центральная артерия нашего зависящего от энергии мира. Перекрытие его — даже косвенное, через финансовые механизмы — показывает, насколько на самом деле хрупка глобализация. Урок марта 2026 года эхом разносится через века и галактики: настоящая власть заключается не в том, кто контролирует пряность, а в том, кто способен её перекрыть.